

Дискурс, дискурсивные практики и текст: векторы исследования/ Discourse,
Discursive Practices and Text: Vectors of Research

Научная статья

УДК 811.111

ББК 81.432.1

<https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-2-156>

**МОДУС ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ИСТИННОСТНОЙ ОЦЕНКИ В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Татьяна Ивановна Семенова*,
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

Татьяна Викторовна Тюрнева,
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

Аннотация. Включенность настоящего исследования в контекст научного осмысления интерпретирующей функции языка модусными категориями как форматами репрезентации знания обуславливает его актуальность. В статье устанавливается модусный статус категории отрицательной истинностной оценки как способа вторичной интерпретации знаний в языке. Объектом исследования выступают вторичные жанры политического дискурса, содержанием которых является истинностная оценка предшествующего дискурса политика. Обосновывается концептуальная основа исследуемой модусной категории как взаимодействие признаков «несоответствие содержания суждения действительности» и «отрицательная коммуникативная реакция опровержения». Описываются структура, содержание и интерпретативный потенциал модуса отрицательной истинностной оценки. Систематизируются средства выражения модусных значений отрицания истинности содержания первичного дискурса политика. Анализируется вариативность синтаксической позиции модуса недоверности. Освещается взаимодействие истинностной и этической оценок в содержании модуса отрицательной истинностной оценки, что позволяет одновременно характеризовать ложность как свойство суждения и ложь как умышленное искажение истины в речевом действии. Рассматривается прагматический потенциал модуса отрицательной истинностной оценки в дискурсивной реализации политической власти.

Ключевые слова: истинность; ложность; истинностная оценка суждения; модусная категория; модус отрицательной истинностной оценки; первичная интерпретация; вторичная интерпретация; политический дискурс; дискурс реагирования.

Для цитирования:

Семенова, Т. И. Модус отрицательной истинностной оценки в англоязычном политическом дискурсе / Т. И. Семенова, Т. В. Тюрнева // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2026. – Том 13. – № 02. – С. 156-170. – <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-2-156>

Вклад авторов в работу: Авторы Т. И. Семенова и Т. В. Тюрнева сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Т. И. Семенова является членом редакционного совета журнала «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык» с 2021 г., но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру двойного слепого рецензирования.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

* Ответственный автор за связь с редакцией

Original research article

**MODUS OF NEGATIVE TRUTH VALUE IN ENGLISH
POLITICAL DISCOURSE**

Tatiana I. Semenova*,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

Tatiana V. Tyurneva,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

Abstract. The relevance of the present study is determined by its inclusion in the scholarly inquiry into the interpretive function of language through modus categories as formats of knowledge representation. The article establishes the modus status of the category of negative truth value as a means of secondary interpretation of knowledge in the language. It reveals the conceptual basis of the modus category under study as the interaction of the features “discrepancy between the content of a judgment and reality” and “negative communicative reaction of refutation.” The paper describes the structure, content, and interpretive potential of the modus of negative truth value. The means of expressing modal meanings of denying the truth of the content of a politician's primary discourse are systematized. The variability of the syntactic position of the modus of negative truth value is analyzed. The study highlights the interaction of truth assessment and ethical evaluation in the content of the modus of negative truth value. It also examines the pragmatic potential of the modus of negative truth value in the discursive implementation of political power.

Keywords: truthfulness; falsity; truth value of propositions; modus category; modus of negative truth value; primary interpretation; secondary interpretation; political discourse; discourse of response.

To cite this article:

Semenova, T. I., Tyurneva, T. V. (2026). Modus of Negative Truth Value in English Political Discourse. *Crede Experto: transport, society, education, language*, vol. 13, no. 2, pp. 156-170 DOI: <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-2-156> (in Russ.).

Author Contributions:

The authors T.I. Semenova and T.V. Tyurneva have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

T.I. Semenova has been a member of the Editorial Board of the journal *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language* since 2021 but was not involved in the decision to publish this article. The article underwent the journal's standard double-blind peer review process.

Conflict of Interest: the authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest in connection with the publication of this article.

Введение (Introduction)

Проблема достоверности/ложности информации в политическом дискурсе принадлежит к числу наиболее активно обсуждаемых лингвистами, политологами и журналистами [Арендт, 2022; ван Дейк, 2015; Гостева, 2010; Рогозина, 2022; Шейгал, 2000; Bouvot, 2019; Fairclough, 2015]. Обращение к исследованию истинностных параметров политического дискурса и их языковому воплощению открывает перспективу выявить прямые и косвенные средства констатации факта лжи и их прагматический потенциал в дискурсивной реализации политической

---

* Corresponding author

власти. *Целью* настоящей статьи является обоснование лингвистического статуса отрицательной истинностной оценки как категории модусного типа, посредством которой реализуется вторичная интерпретация знания в политическом дискурсе реагирования. *Актуальность* исследования обусловлена важностью дальнейшей разработки интерпретирующей функции языка модусными категориями. Объектом исследования выступают языковые единицы, объективирующие в современном английском языке модусную категорию отрицательной истинностной оценки.

Материалы и методы (Materials and methods)

Эмпирической базой исследования выступает корпус из 17 авторских статей, опубликованных в изданиях *The Guardian*, *The Independent*, *The New York Times*. Интенциональный вектор статей направлен на экспликацию ложности, недостоверности прецедентных заявлений, утверждений, деклараций политических субъектов. Исследование выполнено с привлечением методов дефиниционного, концептуального, категориального, пропозиционального анализов, методов интерпретации и интроспекции.

Научная новизна исследования заключается в обосновании модусного статуса отрицательной истинностной оценки как особого формата вторичной репрезентации знаний в языке.

Дискуссия (Discussion)

Категориальный статус истины формируется не только в логико-философском, религиозном, но и в эпистемическом контексте. Будучи локализованным в эпистемическом пространстве, понятие истины становится реляционным, оно замыкается на интенциональной связке («истина»/ «ложь»), эксплицирующей соответствие/несоответствие между содержанием предложения и действительным положением дел. В контексте рационального знания «истина превращается в истинность. Она противопоставляется ложности» [Арутюнова, 1999, с. 550]. Истинность и ложность как характеристики суждений служат основой для их оценки на соответствие действительности. Логическая истинность не связана с прагматическими факторами, в классической логике ложь и истина формируют биполярную оппозицию. Однако с точки зрения прагматики категория истинности – ложности рассматривается не как дизъюнкция, а «как шкала вероятностных оценок» [Арутюнова, 1999, с. 430], которая учитывает пропорцию правды и неправды, степень полноты и истинности информации. В градуированной системе из семи истинностных значений, предложенной Е.Э. Разлоговой, Истина и Ложь являются простыми неразложимыми истинностными значениями, а остальные (Абсурд, Неизвестно, Полная неопределенность, Ложь сильная, Истина сомнительная) представляют собой комбинации из простых истинностных значений [Разлогова, 2004]. В настоящей статье в исследовательском фокусе будут истинностные значения «истина» – «ложь» и специфика их реализации в медиадискурсе.

Истинностная оценка, устанавливающая качество суждения, важна для многих форм человеческой деятельности, в которых противопоставление истины и

лжи имеет прагматические основания, обусловленные природой человека как субъекта познания и как субъекта речи. Политическая коммуникация в жизнедеятельности человека занимает особое место, поскольку политический дискурс, в отличие от большинства прочих дискурсивных форм, «имеет отношение ко всем гражданам» [ван Дейк, 2015, с. 74]. Именно поэтому значимое место в структуре интенциональных характеристик политического дискурса занимает истинностный аспект и его прагматический потенциал [Шейгал, 2000, с. 236]. Борьба за власть как определяющая интенция политического дискурса [Шейгал, 2000; Vouvot, 2019] косвенно или прямо реализуется и воспроизводится в условиях различных уровней легитимности, в том числе и через «нелегитимную манипуляцию знанием в ходе интеракции и коммуникации» [ван Дейк, 2015, с. 293]. В формировании ментальных репрезентаций социальной и политической реальности, отвечающих интересам власти, задействован «весь диапазон операций с истинностным аспектом высказывания – от полного искажения (лжи) и полного умолчания до полуправды (частичного искажения и частичного умолчания)» [Шейгал, 2000, с. 235]. Е.И. Шейгал выделяет фактологическое и референтное искажение действительности [Шейгал, 2000]; Р.Р. Хазиева выявляет и обосновывает дискурсивные практики искаженного лингвополитического моделирования действительности [Хазиева¹, 2018]. В рамках изучения политической лжи разрабатывается интегративная лингвокогнитивная модель политической лжи [Рогозина, 2022], исследуются прагмалингвистические аспекты лжи [Плахотная, 2023]; систематизируются лингвистические средства вербализации ложных высказываний в речи политических деятелей [Байкова и др., 2024]. Приёмы искажения действительности в англоязычной политической публицистике исследует Н.В. Трунова [Трунова, 2025]. Дискурсивные способы внедрения в модель мира адресата заведомо ложных пропозиций с коммуникативно выделенным компонентом неискренности свидетельствуют о том, что в политической коммуникации «искренность как основное условие правдивости сообщения уступает место соображениям политической выгоды» [Шейгал, 2000, с. 227]. В последнее время арсенал средств речевого манипулирования в политическом дискурсе расширяется за счет тактик «новой политической искренности» [Иссерс, 2020; Рогозина, 2021; Чабанная, 2024], которая становится мощным орудием политической борьбы. На фоне высокого уровня изученности дисфункциональных когний искажения истины в политической коммуникации дальнейшего научного осмысления требует отрицательная истинностная оценка содержания высказывания политика и ее прагматизация в политическом дискурсе реагирования.

---

¹ Хазиева Р. Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности (на материале англоязычных конфликтогенных текстов): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р. Р. Хазиева. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. 22 с. EDN FLRNCE..

Как известно, констатация истинности содержания высказывания выражается грамматически – формой утвердительного предложения в силу того, что прагматика речевого общения не требует верификации истинности, поскольку достоверность сообщения принимается за идеальную норму общения, а норма имеет слабый выход в лексику. Грамматически выраженную истинностную оценку Н.Д. Арутюнова определяет как оценку первого порядка. Сомнение адресата в достоверности полученной информации или знание о ложности сообщения маркируется лексическими средствами языка, эксплицирующими вторичную (квазиистинностную) оценку [Арутюнова, 1999, с. 574-575], способную подтвердить или изменить истинностное значение предикатов первого порядка. Вторичная истинностная оценка как метаутверждение, метахарактеристика высказывания соотносится не с «сырой действительностью», а с суждением о действительности.

В англоязычной оценочной картине мира вторичные истинностные оценки с семантикой недостоверности дифференцируются на основе таких концептуальных признаков, как умышленность/неумышленность уклонения от истины, эпистемическое состояние говорящего, мотивы и цели отступления от истины. Отрицание истинности суждения, сопровождаемое вышеуказанными признаками, объективируется лексикализованными показателями несоответствия содержания действительности: 1) отрицание истинности суждения без указания на источник этого несоответствия (untruth, wrong, go wrong, get something wrong, wrongness, incorrect); 2) отрицание истинности, сопровождаемое неумышленностью лжи (mistake, mistakenly, error, blunder, make a blunder, fallacy, gaffe, lapse); 3) отрицание истинности путем указания на невозможность соответствия сообщаемого действительности (myth, delusion, fiction, false impression, fantasy, imaginary version); 4) отрицание истинности путем указания на абсурдность или глупость сообщения (nonsense, garbage, rubbish, ridiculousness, bullshit); 5) отрицание истинности в условиях, когда говорящий, зная правду, замещает ее ложью (false, falsehood(s), fake news, lie(s), liar, deceive, deception, deceit, mendacity); 6) отрицание истинности, осложнённое указанием на злой умысел с целью кого-либо опорочить (defamation, slander, libel); 7) отрицание истинности, осложнённое интенцией ввести противную сторону в заблуждение (mislead, misguided assessment, disinformation, dupe, delude, propaganda).

В диапазоне языковых единиц, выражающих вторичную истинностную оценку, преобладают слова со значением неистинности сообщения в силу того, что лексическая семантика «в высокой степени ориентирована на обозначение неординарных, аномальных явлений» [Арутюнова, 1999, с. 57]. Репрезентативный корпус языковых номинаций недостоверности свидетельствует о прагматической значимости отрицательной истинностной оценки в оценочной картине мира.

Прагматические условия функционирования вторичных истинностных оценок варьируются в зависимости от типа речевой ситуации – канонической или неканонической. В условиях канонической речевой ситуации, предопределяющей единство места и времени говорящего и слушающего [Падучева, 1996; Lyons, 1995], указание на ложность высказывания «является прерогативой адресата»

[Арутюнова, 1999, с. 609]. Н.Д. Арутюнова, исследуя диалогические модальности, выводит в фокус феномен вторых реплик, способных актуализировать семантику согласия, возражения, отказа, опровержения. В контексте диалогической речи модус участвует в механизмах связывания реплик, так, репликой «*Ты лжешь*» адресат актуализирует речевой акт истинностной оценки.

Медиатексты не предполагают канонической коммуникативной ситуации с полноценным говорящим и синхронным адресатом. В публицистическом тексте аналогом отношений между репликами диалога выступают отношения к «чужому слову», к смысловой позиции «другого». Интеракциональную природу монологического по форме публицистического жанра М.М. Бахтин высветил как «тенденцию диалогизации монолога» [Бахтин, 1997, с. 217]. В неканонической речевой ситуации имеет место дескрипция, интерпретация речевого действия как ложного, ср.: *Он говорит неправду; Он лжет*. Истинностная оценка при этом относится к пропозициональному содержанию высказывания.

В контексте наших рассуждений о значимости истинностного аспекта в политическом дискурсе представляется возможным спроецировать прагматические условия функционирования вторичной истинностной оценки на политический дискурс. Широкое понимание политической коммуникации в трактовке Е.И. Шейгал позволяет разграничивать первичный политический дискурс, включающий институциональные формы общения (речи политиков, интервью, заявления, указы, парламентские дебаты), и вторичный политический дискурс как неинституциональные формы – «разговоры о политике» (мемуары политиков, письма читателей, аналитические статьи, политические комментарии) [Шейгал, 2000, с. 37].

Примером канонической речевой ситуации в институциональном политическом дискурсе выступает фрагмент предвыборных дебатов Х. Клинтон и Д. Трампа в 2016 году, в ходе которых Д. Трамп констатирует ложность утверждения Х. Клинтон о его поддержке вторжения в Ирак, ср.:

CLINTON: Well, I hope the fact-checkers are turning up the volume and really working hard. Donald supported the invasion of Iraq.

TRUMP: Wrong.

CLINTON: That is absolutely proved over and over again.

TRUMP: Wrong. Wrong [Clinton-Trump debate, 2016].

В примере выше эксплицируется ложность как свойство пропозиции, в отличие от примера ниже, в котором отрицание истинности пропозиции совмещается с этической оценкой. Так, в ходе предвыборных дебатов между Дж. Байденом и Д. Трампом в 2024 году политики меняют коммуникативные роли говорящего и слушающего, поочередно констатируя в рефлексивных высказываниях факты лжи, ср.:

TRUMP: Our veterans are on the street, they're dying, because he doesn't care about our veterans. He doesn't care. He doesn't like the military at all.

BIDEN: Every single thing he said is a lie, every single one.

TRUMP: *So I've dealt with politicians all my life. I've been on this side of the equation for the last eight years. I've never seen anybody lie like this guy. He lies – I've never seen it* [Biden-Trump debate, 2024].

Т.А. ван Дейк, рассматривая коммуникативные формы манипуляции, подчеркивает, что манипуляция, основу которой составляет использование языковых механизмов непрямого когнитивного воздействия на сознание адресата, «представляет собой в первую очередь категорию для наблюдателей» [ван Дейк, 2015, с. 255]. В нашем исследовании коммуникативной средой реализации полемической позиции наблюдателя выступают вторичные жанры политического дискурса, содержанием которых является истинностная оценка предшествующего дискурса политика. Медиатексты, содержательной основой которых выступает коммуникативная реакция на прецедентный дискурс политика, трактуют как «дискурс реагирования» [Домышева¹, 2008]. Особенностью дискурса реагирования является его вторичный статус и зависимость от первичного дискурса, который подвергается интерпретации. Интерпретация является собой «когнитивный процесс, одновременно выступающий результатом установления смысла речевых и/или неречевых действий» [КСКТ, 1996, с. 31].

Интерпретирующая деятельность автора медиатекста находит воплощение в категориях модусного типа, которые являются «знаком связи субъекта с суждением» [Арутюнова, 1988, с. 108]. Концептуальную основу модусных категорий формирует их интерпретирующая функция, реализация которой обусловлена осмыслением, оценкой как вторичной интерпретацией исходного вербализованного знания о мире [Болдырев, 2019, с. 152]. Результатом вторичной интерпретации является новое знание об объектах и событиях мира, в том числе оценочного характера [Болдырев, 2019, с. 259-261]. В диапазоне модусных категорий значимое место занимает и модус отрицательной истинностной оценки, концептуальной основой которого является отрицательная интерпретация как разновидность когнитивной деятельности, что свидетельствует об «отдельном способе вторичной репрезентации знаний в языке» [Болдырев, 2019, с. 401]. Функциональную специфику концепта ОТРИЦАНИЕ Н.Н. Болдырев определяет в совокупности таких содержательных характеристик, как *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция* [Болдырев, 2019, с. 408]. Применительно к истинностной оценке содержания высказывания отрицательная интерпретация проявляется двояко: в несоответствии содержания речевого действия действительности и в отрицательной коммуникативной реакции опровержения. Вышеуказанные предикаты вторичной истинностной оценки, которые имеют в качестве своего субъекта пропозицию с первичной истинностной оценкой, являются средством выражения модусной категории отрицательной истинностной оценки.

---

¹ Домышева С. А. Политический дискурс в пространстве дискурса реагирования (на материале британской и американской прессы за 2000-2007 гг.): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Домышева Светлана Аркадьевна. Иркутск, 2008. 22 с. EDN ZNUTIJ.

Концепция взаимодействия первичной и вторичной языковой интерпретации может быть экстраполирована на объяснение когнитивных оснований языковой репрезентации модуса отрицательной истинностной оценки в медиатекстах, в которых первичный дискурс политика становится объектом истинностной оценки.

Модус отрицательной истинностной оценки отсылает к предшествующему высказыванию, к его автору и его коммуникативным намерениям, при этом допускается варьирование синтаксической позиции в высказывании. Модус может занимать внешнесинтаксическую по отношению к диктумной пропозиции позицию, ср.: *Trump says he has a “plan” to run Venezuela indefinitely. That's another porky pie* [Tisdall, 2026]. Первичная категоризация ситуации в Венесуэле вербализуется пропозицией *he has a “plan” to run Venezuela indefinitely*, и это первичное знание о «плане» Д. Трампа управлять Венесуэлой неограниченно долго подвергается вторичной интерпретации как недостоверное, объективируемое сленговым обозначением лжи *porky pie*. Перспективу отрицательной интерпретации прецедентного высказывания политика маркирует модус и в начальной позиции, ср.: *Trump is wrong: ‘woke’ policies aren’t the real threat to Europe* [Roubini, 2026]. Представленный выше заголовок публицистической статьи вербализует адресованную массовому адресату интерпретацию заявления Д. Трампа об ужесточении миграционной политики в Европе как несоответствующую действительности. В содержании текста модус недостоверности объективируется языковыми единицами *misguided assessment of Europe, misreading of Europe's current predicament*, что усиливает иллюкативную силу разоблачения недостоверной информации.

Модусный предикат с семантикой неистинности может выполнять синтаксическую функцию предиката, эксплицируя ложность прецедентного суждения, ср.: *Trump's claim that Denmark has no legal right to Greenland is false* [Doan, 2026]. Приведённое выше высказывание вербализует коммуникативную реакцию журналиста, констатирующего ложность заявления Дональда Трампа об отсутствии у Дании юридических прав на эту территорию, что ранее декларировалось Трампом как основание взять под контроль Гренландию: *There are no written documents, it's only that a boat landed there hundreds of years ago, but we had boats landing there, also* [Doan, 2026].

Модусный смысл отрицательной интерпретации пропозиционального содержания объективируют адвербиальные и адъективные лексемы в сочетании с глаголами речевого действия, ср.: *Donald Trump has falsely claimed that NATO allies avoided the frontline during the US's invasion of Afghanistan* [Smith, 2025]. Маркеры ложности употребляются с именами продуктов ментальной и речевой деятельности (*misleading assertions, spurious claims, false claims, falsehoods*), ср.: *In first week in office, president has made false claims on topics from immigration and economy to Panama canal* [Smith, 2025]. В сочетании с глаголами речевой деятельности значение отрицательной истинностной оценки вербализуют слова *rubbish, garbage, nonsense*, ср.: *He may talk rubbish but Trump has an eye for beauty, and that is a breath of fresh air* [Jenkins, 2025]; <...> *the White House press secretary, Karoline Leavitt, on Wednesday said the Politico story was “garbage”* [Gedeon, 2025]. Отрицание

истинности, сопровождаемое неумышленностью лжи, категоризируется как ошибочное мнение, ср.: *Trump Mistakenly Thinks Japan Is a Soft Target* [Sposato, 2025]. Отрицательную интерпретацию пропозиционального содержания в политическом медиадискурсе актуализирует существительное *myth*: *Take, for instance, the myth that Trump and rightwing billionaires have sown that American workers are losing at the expense of undocumented workers* [Gomez et al., 2025]. Авторы текста интерпретируют в терминах мифа попытку Трампа и правых миллиардеров создать в желательном для них направлении представление о реальности, в которой нелегальная миграция бьёт по американским работникам, лишая их новых рабочих мест. Миф в данном случае выполняет функцию оправдания миграционной политики с целью получить поддержку электората.

Взаимодействие в тексте разных личных сфер, «чужих высказываний» являет собой «специфические формы диалогических взаимоотношений» [Бахтин, 1997, с. 207]. В дискурсе реагирования интерпретирующие высказывания с модусом отрицательной истинностной оценки инкорпорируют в сжатом виде элементы пропозитивного содержания первичного текста политика, которые могут быть в форме цитации, прямой и косвенной речи, цитатных вопросов, при этом «чужая речь не присваивается говорящим», и для автора важно, чтобы адресат «уловил взаимодействие разных текстов, разных личных сфер» [Арутюнова, 1999, с. 669]. Так, пропозициональное содержание ассертивного речевого акта Д. Трампа на саммите в Давосе 9 января 2026 года о присутствии в Гренландии повсюду российских военных кораблей, вербализованное как *There are Russian submarines all over the place* [Tisdall, 2026], получает медийную вторичную интерпретацию как несоответствующее действительности, при этом из прецедентного высказывания политика выбирается компонент в форме цитации, который стимулирует отрицание истинности, ср.: *He falsely claims, for example, that Chinese and Russian warships are “all over the place” in Greenland, necessitating a US takeover* [Tisdall, 2026]. Критическое осмысление, интерпретация речевых действий политика в трактовке журналиста-комментатора выступают как «ответные политические действия» [Шейгал, 2000, с. 322].

Прагматика интерпретирующего высказывания интерпретатора-журналиста заключается в том, чтобы открыто уличить политика в предоставлении заведомо ложной информации. Освещая истинностный аспект политического дискурса, Е.И. Шейгал высвечивает значимость речевого акта опровержения и его роль в дискурсивной борьбе за власть [Шейгал, 2000]. В структуру речевого акта опровержения входит констатация факта лжи как обязательный компонент, который сопровождают доказательства недостоверности информации и указание на мотивы использования недостоверной информации. Так, например, на экономическом форуме в Давосе Д. Трамп в интервью информационному каналу Fox News выразил сомнение в готовности союзников по НАТО прийти при необходимости на помощь Вашингтону, ср.: *We are always going to be there for them, but will they be there for us... if we ever needed them* [Trump, 2026]. Диалогическая позиция опровержения по отношению к заявлению Трампа эксплицируется в статье Саймона Тисдалла – политического обозревателя по международным делам

в газете The Guardian, ср.: *Last week he claimed Nato would not help the US in an emergency. Another lie. That's exactly what it did after the 9/11 terror attacks and during 20 years of blundering in Afghanistan* [Tisdall, 2026]. Пропозициональное содержание первичного дискурса Д. Трампа подвергается отрицательной истинностной оценке с последующей аргументацией, доказывающей ложность прецедентного суждения политика. Эмфатическая конструкция *That's exactly what it did* высвечивает коммуникативную значимость контраргументов относительно помощи союзников НАТО в борьбе США с терроризмом.

Модус отрицательной истинностной оценки свидетельствует о взаимодействии сфер истины и этики. Вторичная репрезентация знания в модусе истинностной оценки позволяет одновременно характеризовать ложность как свойство суждения и ложь как умышленное искажение истины в речевом действии, другими словами, отношение суждения к действительности совмещается с отношением действия (поведения) к норме. Изобличение во лжи может сопровождаться отрицательной оценкой коммуникативного поведения, при этом дескрипции речеповеденческих актов лжи включают в свою семантику этическую оценку, ср.: *Greenland, Venezuela and Ukraine? Trump's immoral lies and Europe's chronic weakness* [Tisdall, 2026]; *The enemies of American democracy? Big lie, big anger and big money* [Reich, 2021]; *We're watching mass delusion happen: Trump's return to White House brings cascade of lies* [Smith, 2025]; *President Trump has cited an arsenal of falsehoods, baseless claims to justify significant policy changes on the economy, immigration and deployments of the military* [Smith, 2025]; *Trump continued to fire off misleading assertions, wild exaggerations and blatant lies all week in a series of freewheeling exchanges with reporters* [Smith, 2025]. Предшествующий дискурс политика получает оценочную интерпретацию со стороны авторов статей как недостоверный, а количественные метафоры интерпретации лжи (*cascade of lies, arsenal, Big lie*) и эпитеты *immoral, blatant* с негативными коннотациями аморальности, безнравственности, сопровождающими ложь политических акторов, интенсифицируют этическую оценку. Причины прагматизации вторичной истинностной оценки обусловлены тем, что ее объектом в большинстве случаев является не собственно суждение, а речеповеденческий акт, соединяющий суждение и речевое действие [Арутюнова, 1999, с. 575]. Агональность как один из основных параметров политической коммуникации придает словам со значением отрицательной истинностной оценки «обвинительные» коннотации: отступление от истины интерпретируется одновременно как нарушение этических норм, что подрывает доверие к политику и его высказываниям.

Рефлексивный характер продуцируемых журналистами медиатекстов обуславливает их посредническую функцию между дискурсом политиков и «имплицитными адресатами»¹, на которых ориентируется автор своего текста. Коммуникативная интенция журналиста, занимающего полемическую позицию по отношению к содержанию прецедентного высказывания политика, направлена на

---

¹ Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 116-133.

изобличение политического субъекта во лжи и на внедрение в сознание прогнозируемого адресата истинного положения дел. Прием аргументации повышает иллокутивную силу речевого акта опровержения, актуализирует стратегии дискредитации, понижения статуса политического оппонента, снижения кредита доверия к оппоненту и предлагаемым им политическим решениям.

Заключение (Conclusion)

Итак, ключевым результатом проведенного исследования является обоснование лингвистического статуса категории отрицательной истинностной оценки как категории модусного типа, концептуальной основой которой выступает отрицательная интерпретация как способ вторичной репрезентации знания на основе когнитивных признаков «несоответствие содержания высказывания действительности» и «отрицательная коммуникативная реакция опровержения». Модус отрицательной истинностной оценки в политическом дискурсе реагирования направлен на верификацию недостоверности содержания дискурса политиков и на негативную этическую оценку их действий и личностных качеств.

Список литературы

- Арендт Х.* Ложь в политике: размышления о документах Пентагона // Политическая концептология. 2022. № 2. С. 183-203. DOI 10.18522/2218-5518.2022.1.183203. EDN UXAYFL.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с. EDN YLAWAR.
- Байкова А. В.* Лингвистические характеристики ложных высказываний (на материале американского политического дискурса) / А. В. Байкова, В. М. Бухаров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 7. С. 2279-2285. DOI 10.30853/phil20240326. EDN KUQWAN.
- Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с. EDN OHLOWJ.
- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.
- Гостева Ж. Е.* Истина и политика в свете политологической филологии: к постановке проблемы // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 66-69. EDN MWPCML.
- ван Дейк Т. А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
- Иссерс О. С.* Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 216-227. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227. EDN CSZZSS.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.*
- Падучева Е. В.* Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Плахотная Ю. И.* Прагматика лжи в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101). С. 123-130. EDN YFRLGJ.
- Разлогова Е. Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. М.: Изд-во МГУ, 2004. 199 с. EDN QREWRX.
- Рогозина И. В.* Репрезентация «новой искренности» в американском политическом твиттер-дискурсе // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход:

материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 25 июня 2021 г. Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 2021. С. 10-14. EDN SEIOPQ.

Рогозина И. В. Англоязычный научный дискурс о двойственной природе политической лжи // Ползуновский альманах. 2022. № 3. С. 91-94. EDN MAQWYU.

Трунова Н. В. Кривое зеркало англоязычного политического публицистического дискурса // Человек и время в языке и литературе: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ Майи Геннадиевны Меркуловой. М.: Языки народов мира, 2025. С. 61-68. EDN OQGURV.

Чабанная А. Г. «Новая искренность» как инструмент речевого манипулирования в политических речах Джо Байдена // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 106-114. EDN MERIEY.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: специальность 10.02.00 «Языкознание»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. И. Шейгал. Волгоград, 2000. 431 с. EDN NLROTZ.

Bouvot K. The role of lying in politics // *Ethics, Politics & Society*. 2019. № 2. P. 177-203.

Fairclough N. Language and Power. London; New York: Routledge, 2015. 264 p.

Lyons J. Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. 376 p.

Список источников примеров

Biden-Trump debate. (2024). READ: Biden-Trump debate rush transcript. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript/index.html> (accessed 06 April 2026).

Clinton-Trump debate. (2016). Full transcript: Third 2016 presidential debate. Available at: <https://www.politico.com/story/2016/10/full-transcript-third-2016-presidential-debate-230063> (accessed 06 April 2026).

Doan L. (2026). Trump repeats false or exaggerated claims about Greenland as he pushes for U.S. ownership. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/trump-repeats-false-or-exaggerated-claims-about-greenland/> (accessed 06 April 2026).

Gedeon J. (2025). Elon Musk reportedly to step down from lead Trump role as service limit nears. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/apr/02/elon-musk-trump-doge> (accessed 06 April 2026).

Gomez A., Martínez Rosas G. (2025). Trump pits immigrants against other working people. But we have a common enemy. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/feb/25/trump-pits-immigrants-against-other-working-people-but-we-have-a-common-enemy> (accessed 06 April 2026).

Jenkins S. (2025). He may talk rubbish but Trump has an eye for beauty, and that is a breath of fresh air. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/aug/01/donald-trump-beauty-wind-turbines-natural-landscape> (accessed 06 April 2026).

Reich R. (2021). The enemies of American democracy? Big lie, big anger and big money. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/dec/19/the-enemies-of-american-democracy-big-lie-big-anger-and-big-money> (accessed 06 April 2026).

Roubini N. (2026). Trump is wrong: 'woke' policies aren't the real threat to Europe. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2026/jan/01/trump-woke-policies-europe-economic-technological-decline> (accessed 06 April 2026).

Smith D. (2025). 'We're watching mass delusion happen': Trump's return to White House brings cascade of lies. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/jan/26/trump-white-house-lies-immigration-economy> (accessed 06 April 2026).

Sposato W. (2025). Trump Mistakenly Thinks Japan Is a Soft Target. Available at: <https://foreignpolicy.com/2025/05/12/japan-trump-trade-tariffs-cars/> (accessed 06 April 2026).

Tisdall S. (2026). What unites Greenland, Venezuela and Ukraine? Trump's immoral lies and Europe's chronic weakness. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/jan/11/greenland-venezuela-ukraine-donald-trump-lies-europe> (accessed 06 April 2026).

Trump D. (2026). Transcript: President Trump Speaks with Maria Bartiromo on Fox Business, 1.22.26. Available at: <https://www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-president-trump-speaks-with-maria-bartiromo-on-fox-business-12226> (accessed 06 April 2026).

References

- Arendt H. (2022). Lying in politics: Reflections on the Pentagon Papers. *Political Conceptology*. (2): 183-203. (In Russ.).
- Arutyunova N. D. (1988). Types of linguistic meanings: Evaluation, event, fact. Moscow: *Science*, 1988. 341 p. (In Russ.).
- Arutyunova N. D. (1999). Language and the human world. 2nd ed. Moscow: *Languages of Russian Culture*, 1999. 896 p. (In Russ.).
- Bakhtin M. M. (1997). Collected works. Vol. 5. Works of the 1940s - early 1960s. Moscow: *Russian Dictionaries*, 1997. 731 p. (In Russ.).
- Baykova A. V., Bukharov V. M. (2024). Linguistic characteristics of false statements (based on the material of American political discourse). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 17(7): 2279-2285. (In Russ.).
- Boldyrev N. N. (2019). Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language. 2nd ed. Moscow: *YaSK Publishing House*, 2019. 480 p. (In Russ.).
- Bouvot K. (2019). The role of lying in politics. *Ethics, Politics & Society*. (2): 177-203.
- Chabannaya A. G. (2024). "New sincerity" as an instrument of speech manipulation in Joe Biden's political speeches. *Political Linguistics*. 1(103): 106-114. (In Russ.).
- Fairclough N. (2015). Language and power. London; New York: *Routledge*, 2015. 264 p.
- Gosteva Zh. E. (2010). Truth and politics in the light of political philology: Toward formulating the problem. *Bulletin of Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences*. (4): 66-69. (In Russ.).
- Issers O. S. (2020). Facets of the "new sincerity" in contemporary political communication. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 19(6): 216-227. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227 (In Russ.).
- KSKT - Brief dictionary of cognitive terms / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina; E. S. Kubryakova (ed.). Moscow: *Moscow State University Press*, 1996. 245 p. (In Russ.).
- Lyons J. (1995). Linguistic semantics: An introduction. Cambridge; New York: *Cambridge University Press*, 1995. 376 p.
- Paducheva E. V. (1996). Semantic studies. Moscow: *Languages of Russian Culture*, 1996. 464 p. (In Russ.).
- Plakhotnaya Yu. I. (2023). Pragmatics of lies in political discourse. *Political Linguistics*. 5(101): 123-130. (In Russ.).
- Razlogova E. E. (2004). Logical-cognitive and stylistic aspects of the semantics of modal words. Moscow: *Moscow State University Press*, 2004. 199 p. (In Russ.).
- Rogozina I. V. (2021). Representation of the "new sincerity" in American political Twitter discourse. In: *Modern humanitarian scientific knowledge: Multidisciplinary approach: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Barnaul, June 25, 2021. Barnaul: *Polzunov Altai State Technical University*, 2021. P. 10-14. (In Russ.).
- Rogozina I. V. (2022). English-language scholarly discourse on the dual nature of political lies. *Polzunov Almanac*. (3): 91-94. (In Russ.).
- Sheigal E. I. (2000). Semiotics of political discourse: Doctor of Philology dissertation. Volgograd, 2000. 431 p. (In Russ.).
- Trunova N. V. (2025). Crooked mirror of English-language political publicistic discourse. In: *Human and time in language and literature: Collected papers dedicated to the anniversary of Professor Maya G. Merkulova*. Moscow: *Languages of the Peoples of the World*, 2025. P. 61-68. (In Russ.).

van Dijk T. A. (2015). Discourse and power: Representation of domination in language and communication. Moscow: URSS; LIBROKOM Book House, 2015. 352 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Иркутский государственный университет, ул. Карла Маркса, д. 1, Иркутск, 664003, Россия;
orcid.org/0000-0002-8929-699X; e-mail: tisemenova54@mail.ru

Тюрнева Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Иркутский государственный университет, ул. Карла Маркса, д. 1, Иркутск, 664003, Россия;
orcid.org/0000-0001-9554-4526; e-mail: tyurneva_tv@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana I. Semenova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the English Philology Department Irkutsk State University, 1, Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russia;
orcid.org/0000-0002-8929-699X; e-mail: tisemenova54@mail.ru

Tatiana V. Tyurneva – Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the English Philology Department, Irkutsk State University, 1, Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russia;
orcid.org/0000-0001-9554-4526; e-mail: tyurneva_tv@bk.ru

Поступила в редакцию	15.04.2026	Received	15 April 2026
Принята в печать	22.05.2026	Accepted for publication	22 May 2026
Опубликована	16.06.2026	Published	16 June 2026